

Лидия Чарская

Сестра милосердная

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Ч-22 **Чарская Л.**
Сестра милосердная / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2012. –
100 с.

ISBN 978-5-458-04107-2

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодяям и мерзавцам не удастся взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее герои такие, какими в основном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

ISBN 978-5-458-04107-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том пятнадцатый

Для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Сестра милосердная

Глава 1

— Извозчик, остановись вон у того дома! Твою руку, Ирочка... Приехали, ну, помогай тебе Бог!

Андрей Аркадьевич первый вышел из пролетки и протянул руку сестре.

Они добирались сюда около часа. Извозчик попался очень плохой, да и расстояние от Петербургской стороны до одной из самых захолустных улиц было не малое.

Шел дождь пополам со снегом. На улице стояли огромные лужи. Катили экипажи с поднятыми верхами. Пешеходы сновали под зонтиками по скользким сырым тротуарам. Безотрадная картина поздней петербургской осени встретила в этот день только выписавшуюся из больницы Иру. И дом, около которого остановился возница, небольшой деревянный особняк с облупившейся краской, выглядел угрюмо.

Такие дома теперь большая редкость в столице и попадают только на самых глухих окраинах. И место, где поселился Андрей Басланов с семьею, было таким.

— Послушай, Андрюша, да ведь отсюда приходится ежедневно в Академию ездить... Ведь сколько времени приходится терять даром на одни поездки, — заметила Ира, пока Андрей Аркадьевич звонил у входной двери. — И время даром на проезд тратишь, да и устаешь ты, Андрюша, по всей вероятности?

— Это пустое, Ирочка, — беззаботно отвечал Басланов, — не такой я еще старик, сестренка, чтобы уставать из-за таких пустяков, а расстояние велико, это, пожалуй, ты справедливо говоришь. Но и с этим мириться можно, ведь благодаря отдаленности от центра снимаемый нами особняк стоит пустяки, и деньги, сэкономленные на наем более удобной квартиры, мы можем тратить на другое, необходимое в жизни...

На что именно мог тратить Андрей эти деньги, Ире так и не пришлось узнать.

Дверь отворила неряшливого вида прислуга с подоткнутым подолом, босая, в засаленном клетчатом переднике.

— Что это, Марья, вы открываете? Куда же Даша девалась? — морщась, спросил Андрей Аркадьевич.

— Ушла, барин, Даша... Проскандалили они с молодой барыней все утро. Опосля собрала свой сундук и уехала. За пачпортом обещалась зайти. Барыня и посейчас вне себя лежат на диване, — обстоятельно докладывала кухарка.

— Ах, Господи — опять неприятности! Нетти нервничает, она такая слабая, хрупкая, а прислуга так груба! — воскликнул Андрей Аркадьевич и, наскоро сбросив пальто на руки служанки, прошел в гостиную. Ира последовала за ним. Уже с порога прихожей молодую девушку поразили стоны, несшиеся из соседней комнаты.

Когда она вошла, то увидела нарядно, совсем не по-домашнему, одетую молодую даму, лежавшую на кушетке с лицом, полуприкрытым носовым платком. Черные волосы ее выбивались из прически беспорядочными прядями. Со слезами и всхлипыванием она кричала:

— Это невозможно!.. Это несносно!.. Я не хочу такой жизни!.. Я не потерплю

ее! Она погубит меня! Мое здоровье!.. Мои нервы... Каждая служанка, каждая ничтожная девчонка смеет грубить мне, урожденной княжне Вадберской! Да я за это на нее в суд подам... в тюрьму ее посажу! Я не прощу ей — этой негодной Дашке того, что она осмелилась наговорить мне!..

Сидевшая рядом пожилая дама, в которой Ира с первого же взгляда узнала княгиню Констанцию Ивановну с лицом и манерами итальянки-простолюдники, старалась всеми силами успокоить расхолодившуюся дочь:

— Полно, не плачь, Нетти... Нечего глаза по пустякам портить... И платье напрасно мнешь... Эка невидаль, подумаешь, — с горничной посчитались... Всюду это случиться может... В каждой семье! Перестань же плакать! Вот и Андрей пришел и не один!.. Создатель мой! Да ведь это она, наша Ира! Дитя мое, я узнала вас сейчас же, даром, что вы ужасно похудели!

Тут княгиня стремительно поднялась с места и с протянутыми руками устремила навстречу Ире.

В ту же минуту оборвались слезы и стоны Нетти. Она отняла мокрый платок от распухшего лица и приподнялась с кушетки.

— Andre, Andre, — говорила она мужу, с укором глядя в его смущенное лицо, — как мог ты меня оставить! Как мог ты уехать на целый день! Что за ужас тут происходит без тебя! Эта дерзкая грубиянка осмелилась наговорить мне невесте что! Надерзила и ушла... А мы тут оставайся и нянчи твоих прелестных племянничков, вместо того, чтобы ехать на раут к баронессе Иксюль. И куда ты пропал с утра? Где ты был до позднего вечера? Почти до семи часов? Как тебе не жаль было оставить меня одну? — поток вопросов посыпался на Андрея Аркадьевича, и глаза Нетти снова наполнились слезами.

— Деточка, успокойся, не плачь, ради Бога. Я без вины виноват перед тобою, — горячо целуя маленькие выхоленные ручки жены, проговорил Басланов. — Ты же знаешь, я никогда не оставлю тебя без нужды. Утро я провел в Академии, потом был в больнице, взял оттуда сестру, отвез ее в пансион, а потом заезжал к американцу Томсону, условиться о покупке картины, затем снова заехал за Ирою в пансион...

— Противные картины, они только разлучают нас с тобою! — надувая губки, произнесла Нетти.

— Деточка, эти противные картины кормят нас, — осторожно напомнил Андрей.

— Очень-то нужно! У папы есть пенсия. Нам бы на всех хватило!

Андрей Аркадьевич в ответ на эти слова покачал головой.

— Ты же знаешь мой взгляд на такие вопросы, Нетти, да и не время говорить об этом. Займись лучше Ирой, она так спешила к нам возобновить знакомство с тобою.

— А, Ира, здравствуйте! Очень рада вас видеть! — заученным тоном светской женщины произнесла Нетти, протягивая руку золовке. Та увидела перед собою чужие, далекие от родственного чувства глаза молодой женщины.

Предчувствие сказало Ире, что вряд ли она сойдется когда-нибудь с этой пустышкой и бессодержательной Нетти. Но, желая сделать приятное Андрею, Ира по-родственному обняла невестку и поцеловала ее в щеку.

— Я очень рада увидеть вас снова, милая Нетти, и помочь вам в воспитании ваших маленьких племянников, — сказала Ира.

— Ну, не знаю, повторите ли вы мне это, когда познакомитесь с "моими маленькими племянниками", — подчеркивая последние слова, отвечала Нетти и, снова обращаясь к мужу, быстро заговорила:

— Вот именно из-за них-то весь сыр-бор и разгорелся! Ты не можешь себе вообразить, Andre, как они вели себя сегодня на уроке!.. Представь. И я ради скуки стала заниматься с этими милыми деточками по научным предметам, и они меня окончательно вывели из себя... так что я даже хотела их высечь.

— Нетти! Нетти! — вырвалось у Андрея.

— Ну, так что же из этого? — задорно возразила Нетти, — ну да, хотела их высечь обоих... Так они были несносны! А эта грубая Дашка налетела на меня как курица-наседка и стала кричать, что часа не останется больше там, где пускают в ход розги... и что она Зинаиде Юрьевне пожалуется на меня, и что здесь притесняют детей, и еще наговорила, что и изверг-то я, и бессердечная, и чуть ли не палач. Словом, довела меня до слез... а сама ушла... и все из-за этих чудесных деточек... — Кстати, пойдем к ним, Ира, я хочу познакомить вас с отчаяннейшею в мире породю маленьких людей, от которых нет никому ни минуты покоя в доме, — заключила Нетти.

Андрей Аркадьевич с укором взглянул на жену. Потом перевел глаза на Иру и снова обратился к Нетти.

— Напрасно ты запугиваешь сестру. Жура и Надя далеко не дурные дети. Правда, их жизнь до сих пор протекала на свободе, о них, в силу некоторых обстоятельств, некому было заботиться, и манеры их, может быть, оставляют желать лучшего, но, в сущности, они — добрые, славные дети, и...

— Добрые? Славные? Нет, мне это нравится! — сердито прервала Нетти. — Нет, милая Ира, я больше слова не скажу об этих прелестных деточках... Вы сами увидите их и поймете, права я или нет. Andre к ним слишком пристрастен. Идем же, идем же к ним!

И, схватив Иру за руку, Нетти потащила ее из гостиной...

Княгиня поспешила за ними.

— Возьмите и меня с собою. И я хочу присутствовать при первом знакомстве Иры с этими ангелочками, — смеясь, закричала она.

Из гостиной, большой комнаты в три окна, со старыми запачканными по углам обоями, обставленной, очевидно, на скорую руку разнокалиберной мебелью, Ира с обеими хозяйками прошла в столовую.

Здесь посреди комнаты стоял неубранный стол с остатками обеда на беспорядочно расставленных тарелках и с корками хлеба, разбросанными на весьма сомнительной чистоты скатерти.

Из столовой все трое вышли в длинный темный коридор. Его дальний конец упирался в лестницу.

— Поднимемся к ним. Детская находится наверху, — предложила Нетти.

По шатким, скрипучим ступеням они поднялись на второй этаж. Три двери таинственно белели в верхнем, тоже совершенно темном переходе.

— Там кабинет папы, — указывая рукою на правую, говорила Нетти, — он пишет свои мемуары о Турецкой войне и любит тишину и уединение; там шкапная и комната для прислуги, — указала она на противоположную стену, — а это ваша обитель!

При их появлении кто-то отпрыгнул от двери. Ира успела разглядеть только

необычайно яркую смесь розового с зеленым и голубым. И это розово-зелено-голубое забилося между комодом и рукомойником, находившимся в дальнем углу детской, небольшой комнаты, заставленной тремя кроватями и убогой мебелью.

В этот же миг взгляд Иры встретился с голубыми детскими глазенками.

— Жура, подойди сюда... А где Надя? — спросила Нетти.

Маленький голубоглазый мальчик лет девяти, с длинными локонами, выходящими по плечам, выступил вперед, прикрывая рукою левое колено.

— А Надя где? Изволь отвечать!

Глаза Нетти сердито сверкнули. Но мальчик, по-видимому, ничуть не боялся гнева своей молоденькой тетки.

— Надя сейчас подойдет, — отвечал он, без тени смущенья разглядывая Иру.

— Вот рекомендую нашего сорвиголову. Его зовут Журой, Евгением. Советую быть с ним поосторожнее, да и с его сестрицей тоже. Из рук вон какие они проказники и упрямцы, — слегка подталкивая мальчика к Ире, проговорила княгиня Констанция Ивановна.

Молодая девушка протянула руку ребенку. Тот подал свою, которой только что довольно удачно прикрывал огромную дыру на чулке, как раз на коленке.

— Ах, ты опять разорвал чулок, это возмутительно! — сердито крикнула Нетти и с силой дернув мальчика за руку, так что он пошатнулся, как молодое деревцо под напором ветра, энергично жестикулируя, заговорила:

— Вы не поверите, Ира, сколько с ними забот и хлопот! Все на них горит, прислуга не успевает штопать и чинить за ними. Одних сапог сколько перешивают, если бы вы знали. Никаких сил с ними нет. На них не напасешься. Вот уж, сказать по правде, послал такую обузу Господь! — Нетти с откровенной злобой поглядывала на мальчика.

Вдруг легкий шорох послышался в углу. Все посмотрели в ту сторону.

— Надя! Зачем ты залезла туда?

Нетти подошла к комоду, протянула руку в отверстие, образовавшееся между ним и умывальником, и извлекла оттуда необычную девочку.

Если бы в наш век были чудеса, Ира приняла бы непременно за чудо зрелище, открывшееся ее глазам: она увидела второго мальчика Журю или вернее точную копию Журы, одетую, однако, довольно своеобразно: длинная, розовая, шелковая, старинного покроя юбка была на ней. Зеленый, в виде кафтана, лиф сидел мешком на хрупких детских плечах, и голубой шарф широко опоясывал узенькую, как у куклы, талию. Пепельные локоны, приподнятые кверху и зачесанные в высокую прическу, увенчивались небольшим дамским чепчиком, какие носили еще наши бабушки во дни свой юности несколько десятков лет тому назад.

Ребенок совсем утонул в этом странном допотопном платье. А худенькое, бледное с голубыми жилками на висках и лбу личико, озаренное парюю таких же прекрасных голубых глаз, как у Журы, выглядело так забавно в этом наряде, что Ира, взглянув на него не могла удержаться от улыбки.

Но ни княгиня, ни ее дочь не разделяли, по-видимому, впечатления молодой девушки.

Нетти густо покраснела. Все лицо Констанции Ивановны тоже залило краской негодования.

— Дрянная девчонка! — закричала она, сопровождая свои слова резкими

жестами. — Ты опять украла ключ от шкафной? Опять рылась в сундуках и унесла прабабушкино платье! — накинулась она на девочку.

— Отвратительный ребенок! Ее следует высечь за такие проделки! — закричала в свою очередь Нетти. — Сейчас же сними все это и приходи ко мне вниз. О, я сумео расправиться с тобою. Слышишь?

Она быстро подошла к ребенку и изо всей силы уцепилась Надю за ушко.

Пронзительный крик огласил комнату. В тот же миг мальчик очутился перед молодой Баслановой. Он заговорил, обращаясь к тетке:

— Вы не смеете! Не смеете бить Надю... Обижать ее... И называть воровкой не имеете тоже права! Я дедушке скажу и маме тоже. Мы у вас ничего не ворovali. Мы только захотели поиграть прабабушкиным платьем. Надя в гости ко мне, как будто, приехала... А я хозяин, будто, был. Мы бы поиграли и повесили снова все на место. А в сундук мы не лазили... честное слово, нет. Платье Даша еще вчера вывесила проветрить от моли. И дверь в шкафную открыта была. Мы ключа не таскали. А Надю я не дам обижать... Она сама не сможет за себя заступиться. Я должен быть ее защитником! Я ее брат...

— Что?... Как ты смеешь говорить так со мною, негодный мальчишка! Тебя из милости держат у нас в доме! Мы вас с твоей сестрою кормим, поим и одеваем, а ты еще смеешь так дерзко разговаривать с твоими благодетельницами, — закричала Нетти, топая ногами и с угрожающим видом наступая на мальчика.

— Нетти, не волнуйся! Право же, не волнуйся... Стоит ли портить здоровье из-за чужого ребенка? — успокаиваясь прежде дочери, говорила Констанция Ивановна.

— Оставьте, маман! Неужели вы не видите, до чего доходит нахальство этого дерзкого мальчишки? Мы облагодетельствовали его с головы до ног, а он...

— Неправду вы говорите, — послышался звонкий голосок, и маленькая девочка выступила вперед.

Теперь, когда брат и сестра находились один подле другого, можно было вполне уверенно сказать, что это были близнецы.

Ире сразу понравились оба. Было что-то милое, смелое и чистое в обоих личиках с одинаковыми глазами и чертами лица, тонко и изящно обрисованными, отдаленно напominавшими Ире лицо старого князя Юрия Львовича.

Девочка подошла к Нетти и без тени смущения смотрела в ее лицо.

— Ах, ты, бессовестная, — пронзительно выкрикнула Нетти, — да как же ты смеешь грубить мне! Да я... я... тебя...

Ее слезы со вскрикиваниями и воплями, пересыпанные жалоб и упреками, подняли на ноги весь дом.

Андрей Аркадьевич, успевший переодеться в рабочую одежду и растиравший краски в своей студии, находившейся в дальнем конце дома, первый прибежал в детскую.

— Деточка моя... Нетти... Что с тобою? Что случилось? О чем ты плачешь, ангел мой, да ответь же мне!

— Дети... противные, несносные дети... они доведут меня до могилы, — они убьют меня!

Андрей Аркадьевич с укором взглянул на племянников.

— Жура! Надя! Неужели это вы довели вашу тетю до такого состояния? — Близнецы молча глядели на своего дядюшку, Андрей Аркадьевич тогда обратил-

ся к Ире в то время, как княгиня Констанция Ивановна пошла за водою для Нетти.

— Скажи, пожалуйста, как это могло случиться, Ирочка? Объясни, ради Бога, в чем дело?

Ира рассказала брату все происшедшее. Всегда справедливая и разумная, она незаметно для самих детей оправдала их в глазах брата, по ее мнению, если и виновных, то только в том развее, что они взяли без спросу прабабушкины наряды.

По мере того, как говорила Ира, затихали рыдания Нетти, а когда девушка замолкла, Нетти уже стояла перед нею, уязвленная, негодующая, с пылающим лицом и блестящими злыми глазами.

— Так вот вы как, сестрица! Оправдываете в глазах Andre этих несносных детей. Это, значит, демонстрация против меня? Однако вы не педагогичны, милая сестрица. Нельзя в присутствии детей показывать им, что они правы и порицать поступки их воспитателей.

— Что вы говорите, Нетти? — возмутилась Ира. — Да разве я порицала ваш поступок? Я только восстанавливала истину и передала Андрею то, что было на самом деле.

— Неправда, неправда! — возразила Нетти. — Вы исказили факт. Дети были грубы, дерзки, а вы...

— Что здесь за шум? Нетти, дитя мое, что тебя так волнует? Ирина Аркадьевна, добро пожаловать, душевно рад вас видеть! — Обернувшись к двери, Ира увидела высокого статного старика с седыми усами и густой совершенно белой шевелюрой.

Его лицо с правильными чертами носило на себе отпечаток достоинства и благородства. Военный сюртук отставного генерала, облегающий его прямую стройную фигуру, молодил шестидесятилетнего князя Юрия Львовича.

Ира нашла его мало изменившимся со дня их последней встречи в "Лесном"

— Здравствуйте, здравствуйте, Ирина Аркадьевна, чрезвычайно рад увидаться с вами. Я счастлив, что вы не отказались воспитывать моих проказников. Юрий Львович протянул одну руку Ире, другою потрепал густые локоны Нади, успевшей прильнуть к деду, в то время как Жура обнял его с другой стороны.

По заплаканным глазам Нетти и по встревоженным лицам окружающих Юрий Львович догадался о происшедшем здесь недоразумении.

— Опять баталия? — спросил он, стараясь шуткою восстановить желанное спокойствие. — Жура, Надя, чем снова провинились, молодцы? Ну-ка, пожалуйста к ответу! В "дежурную комнату" на караул, шагом марш! — скомандовал он, смеясь, и дети бросились наперегонки вдоль неосвещенного коридора к кабинету Юрия Львовича.

— Напрасно ты балуешь их, Жорж, — произнесла недовольно княгиня, — и так с ними сладу совсем нет.

— Ты забываешь, Констанция, что этих детей нельзя подводить под общую мерку, — произнес князь, — а вам, Ирина Аркадьевна, я расскажу когда-нибудь о судьбе этих бедных малюток. Будьте снисходительны к ним. Об этом просит вас их старый дед.

И седая голова князя низко склонилась перед девушкой.

— Ну, теперь начнется еще худшее баловство! — произнесла Нетти. —